

Особенности колымского варианта чукотского языка

© 2018

Мария Юрьевна Пупынина

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; pupynina@gmail.com

Вариативность чукотского языка традиционно считается невысокой по сравнению с родственными корякским и алюторским языками. Исследователи (В. Г. Богораз, П. Я. Скорик, М. Данн и др.) выделяют, однако, различное количество диалектов (или говоров) чукотского языка; при этом каждый автор предлагает собственную классификацию, хотя ни в одной публикации не приводится для этого достаточно четких оснований. Специальные описания посвящены только колымскому варианту чукотского языка. Материал, записанный нами во время многочисленных экспедиций в места компактного проживания чукчей (Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия) и Камчатский край) в 2008—2017 гг., дает основания предполагать, что колымский вариант действительно является наиболее своеобразным среди остальных вариантов. В статье предлагается членение чукотской языковой общности на три географические зоны: западную, восточную и южную. Поскольку предыдущие грамматические описания тяготеют к восточной зоне, актуальной задачей представляется описание западной и южной зон. В статье представлены основные фонетические, лексические и морфологические особенности колымского варианта чукотского языка, самого крупного по числу носителей говора западной зоны. Кроме того, показано, что в говоре чукчей с. Аянка (Пенжинский район Камчатского края) обнаружены черты, сближающие его с колымским вариантом.

Ключевые слова: диалектология, лингвистическая география, социолингвистика, чукотский язык, чукотско-камчатские языки

Linguistic features of Kolyma Chukchi

Maria Yu. Pupynina

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, 199053, Russian Federation; pupynina@gmail.com

Linguistic variation in Chukchi is traditionally considered to be relatively low compared to Koryak and Alutor. Different scholars (V. Bogoras, P. Skorik, M. Dunn) distinguish different sets of Chukchi dialects; however, principles of such classifications are mostly vague and unclear. There are no special studies on Chukchi varieties except Kolyma Chukchi. According to the research conducted in three administrative regions with Chukchi communities (Chukchi Autonomous Okrug, Republic of Sakha (Yakutia), and Kamchatka Krai) in 2008—2017, Kolyma Chukchi is indeed the most peculiar variety compared to all others. In this paper, I propose that the Chukchi linguistic habitat should be divided into three geographical zones: Western, Southern, and Eastern. All previous descriptions of Chukchi were based on the Eastern zone variants, thus the description of varieties from Western and Southern zones is particularly relevant. Major phonetic, lexical, and morphological characteristics of the Kolyma Chukchi Western variety, which has the biggest number of speakers, are presented in this article. Besides, it is shown that the Ayanka Chukchi variety (Penzhina district of Kamchatsky Krai) has features similar to Kolyma Chukchi.

Keywords: Chukchi, Chukotko-Kamchatkan languages, dialectology, linguistic geography, sociolinguistics

Введение

Чукотский язык (чукотско-камчатская семья, чукотско-корякская ветвь), как правило, описывается как достаточно монолитный в диалектологическом отношении. Эта монолитность особенно заметна при сравнении с вариативностью родственной корякской группы идиомов. Отсутствие обширных горных систем на территории Чукотского автономного округа (ЧАО), высокая мобильность чукотских оленеводов и интенсивный хозяйственный обмен между чукчами-олeneводами и чукчами — морскими охотниками действительно обусловили взаимопонятность чукотского языка на всей территории его распространения. Тем не менее на периферии этого достаточно обширного лингвогеографического ареала наблюдаются некоторые отличия от его центра. Эти отличия, сами по себе сравнительно незначительные, осознаются чукчами — носителями языка и иногда имеют для них большое значение, особенно если они проживают за пределами титульного региона, ЧАО. В этом плане наиболее интересен языковой вариант колымских чукчей, проживающих в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в самой западной части территории распространения чукотского языка. Это единственный вариант чукотского языка, которому посвящены две специальные диалектологические работы (см. ниже). Помимо достаточно характерных фонетических особенностей, среди которых наиболее заметным является так называемое «чеканье» (см. раздел 4.2.1), колымский чукотский имеет некоторые лексические отличия от других вариантов чукотского языка; отмечено и несколько нестандартных грамматических конструкций.

Своеобразие этого варианта имеет для колымских чукчей также политическое значение. Сложность и эпизодичность контактов с чукчами ЧАО и языковая политика Якутии, отличная от политики ЧАО, привели к тому, что колымские чукчи стали осознавать себя отдельной общностью, в том числе языковой. Чукотский язык начал преподаваться в школах Нижнеколымского района недавно, и несовершенства чукотской письменной системы, основанной на языковом варианте с. Уэлен, часто принимаются учителями как свидетельства существенной разницы между их «диалектом» и языком всех остальных чукчей. В связи с этим в профильных образовательных и научных учреждениях Якутска ставится вопрос об издании учебных пособий на «колымском диалекте чукотского языка».

В данной статье пойдет речь о группе колымских чукчей и других чукотоговорящих народов Колымы; описаны лингвистические особенности колымского варианта, отличающие его от остальных вариантов чукотского.

Статья построена следующим образом. В первом разделе оценивается то место, которое занимает колымский вариант внутри чукотского диалектного континуума; во втором даются краткие сведения о формировании этнической группы колымских чукчей; в третьем освещается социолингвистическая ситуация, сложившаяся с чукотским языком в Якутии. В четвертом, основном, разделе статьи более подробно описываются особенности колымского чукотского в области фонетики, лексики и морфологии.

1. Место колымского варианта в чукотском диалектном континууме

В грамматических описаниях выделяется различное количество чукотских говоров (или диалектов). В. Г. Богораз [1931: 6] пишет, что чукотский язык «при отсутствии диалектов... имеет довольно значительное количество говоров», которые объединяются в две группы: оленных кочевых говоров (западная группа) и оседлых приморских говоров (восточная группа). Далее Богораз приводит несколько незначительных лексических и фонетических различий между группами говоров. П. Я. Скорик, автор первой значительной грамматики чукотского языка, к сожалению, уделил вопросам диалектологии еще меньше внимания, чем Богораз. Лишь во введении к первой части грамматики он замечает, что «чукотский язык, кроме отмеченных В. Г. Богоразом восточного и западного диалекта, имеет еще диалекты энмылинский, нунлигранский и хатырский» [Скорик 1961: 12]. М. Данн, автор диссертации

по чукотской грамматике, выбирает для описания некую субъективную единицу, называемую им тэлькэпским вариантом (Telqer variety), однако географические границы этой разновидности чукотского выделяются в работе нечетко; другие варианты не перечисляются. В работе [Пупынина 2013] с опорой на районы чукотских кочевий дан предварительный список из восьми гипотетических ареалов распространения чукотского языка; границы некоторых из них соответствуют границам выделенных ниже зон.

Анализ материалов, собранных автором во время поездок 2008—2017 гг. в различные районы распространения чукотского языка, позволяет предположить, что чукотскую языковую общность можно разделить на три географических зоны: западную, восточную и южную. При этом восточная зона включает не только выделяемую Богоразом группу говоров приморских (оседлых) чукчей, но и языковые варианты групп чукчей-оленьеводов почти всех районов ЧАО кроме западной части Билибинского и южной части Анадырского районов. Западная зона включает западную часть Билибинского района (с. Омолон, а также перевалочная база Каэттын и другие уголья оленеводческого совхоза «Олой»), северо-восток Пенжинского района Камчатского края (прежде всего, с. Аянка) и Нижнеколымский район Республики Саха (Якутии). К южной зоне относятся села Ваеги и Хатырка на юге Анадырского района, а также, возможно, север Камчатского края (с. Ачайваям¹). Примерные географические границы между говорами представлены на карте.

Рис. Географические зоны чукотских говоров

¹ Полевая работа с уроженцами с. Ачайваям нами не проводилась.

Внешние границы этих зон представляют собой ареалы интенсивных контактов чукчей с другими народами: на западе — с эвеннами и юкагирами, на юге — с коряками (и частично с эвеннами), на востоке, на границе материка, — с эскимосами.

Предположение о делении чукотского ареала на зоны основано на географии распределения чукотских кочевий и поселков. Немаловажным является также то, что собеседники, происходящие из различных зон, имеют наибольшие трудности взаимопонимания². Так, жительница села Амгуэма Иультинского района, уроженка села Хатырка Анадырского (прежде — Беринговского) района утверждала, что, когда она приехала в поселок, ей было трудно воспринимать местную речь, однако же потом она «переучилась», что подтверждают ее амгуэмские односельчане. Житель Анадыря родом из села Ваеги сообщает, что ему значительно труднее воспринимать речь людей, переехавших в Анадырь из поселков, расположенных по р. Анадырь и севернее. Жители поселений западной части Билибинского района считают «странным» звучание чукотского языка колымских чукчей Якутии, с которыми они имеют периодические контакты; такого же мнения о языке соседей придерживаются сами колымчане.

Отделение западной и южной ветви чукчей связано с массовыми переселениями чукотских стойбищ за крупные реки в связи с нехваткой пастбищ и дерева для строительства яранг. Во второй половине XVIII в. чукчи стали расселяться к югу от р. Анадырь, а во второй половине XIX в. — к западу от р. Колымы. Оба перехода через реки были «санкционированы» местными властями, то есть их предваряли просьбы чукчей разрешить переход на территорию, которую они считали «чужой», см. подробнее [Вдовин 1962: 154] про переход Анадыря и [Майдель 1894: 107—108] про переход Колымы.

Группа говоров западной зоны, для которой характерно чеканье, не свойственное восточной и южной зонам, выделяется именно по этому признаку довольно легко. К ней относятся говоры колымских чукчей Якутии, олонских чукчей ЧАО и говор аякинских чукчей Камчатского края. Помимо чеканья, говоры объединены некоторыми другими фонетическими особенностями и наличием общего автоэтнонима *šiwšey* (см. ниже), не используемым в восточной и южной зонах. У каждой из трех перечисленных групп чукчей можно выделить свои лексические особенности, однако четкую границу между ними в лексическом плане провести пока сложно. Не менее сложно провести границу между южной и восточной зонами. Говоры хатырско-ваежских чукчей, находящихся под корякским влиянием, однозначно выделяются по особенностям лично-числовой полиперсональной парадигмы глагола, имеющей сходства с корякско-алоторской парадигмой. Фонетические отличия от говоров восточной и западной зон имеются, по-видимому, только у мужского варианта хатырского языка. Лексика ваежского и хатырского вариантов чукотского сходна. Тэлькэпский вариант чукотского языка, описываемый Данном в его грамматике, охватывает южную часть восточной и северную часть южной зон (см. карту, приведенную в [Dunn 1999: 3]). Этот вариант, который, по нашим данным, распространен уже, чем указано на карте из описания Данна, по-видимому, сходен с хатырско-ваежским говором лишь небольшим списком лексем, не встречающихся в восточной и южной зоне.

Существующие описания истории, этнографии и языка чукчей, как правило, основываются на материале, собранном среди чукчей восточной зоны; языковым вариантам южной и западной зон не посвящено почти никакой литературы. Этнографии и истории одной из групп чукчей южной зоны (ваежские чукчи) посвящена работа И. С. Вдовина [1962], в которой перечисляется также ряд фонетических и лексических особенностей, сближающих говор ваежских чукчей с корякским языком. Группам чукчей западной зоны не посвящено ни одной специальной этнографической работы, однако существуют две работы о колымском варианте чукотского языка [Инэнликэй 1973; 1974].

² Нужно отметить, что приморские и оленные чукчи также указывают на различия в «языках» друг друга, но эти различия носят, как правило, интонационный характер или касаются традиционной морской зверобойной / оленеводческой лексики.

2. Формирование этнической группы колымских чукчей

Территория чукотских кочевий в середине XVIII в. была сравнительно небольшой и ограничивалась с юга р. Анадырь, а с запада — воображаемой линией, проведенной по меридиану 170° в. д. на юг от Чаунской губы. По мере развития оленеводства чукчам стали требоваться все бóльшие пастбища, они начали кочевать южнее и западнее этих границ. Развитие меновой торговли и учреждение Анюйской ярмарки на притоках р. Колымы способствовали локальным миграциям на западе чукотской территории. Так возникло территориальное объединение колымских чукчей, кочевавших между Индигиркой и Колымой недалеко от мест их впадения в Восточно-Сибирское море³. По свидетельству колымского исправника барона Г. Л. Майделя [1894: 108], несколько чукотских семей пересекли Колыму в 60-х гг. XIX в. Менее конкретные и достоверные рассказы о чукчах, обитавших западнее Колымы (причем как приморских, так и оленных), встречаются и в более старых исторических документах (см., например, [Нефёдкин 2017: 23—32]), однако, скорее всего, это были сравнительно небольшие военные отряды чукчей, охраняющих границы своей территории, а не крупные стойбища с постоянными пастбищными угодьями.

Таким образом, те колымские чукчи, языковой вариант которых рассматривается в настоящей статье, заняли тундры Нижней Колымы примерно полтора века назад. Они вряд ли существовали обособленно от своих восточных соседей; по крайней мере, известно, что они встречались на Анюйской ярмарке [Карих 2008], специально устроенной на берегу р. Омолон, правого притока Колымы, для меновой торговли с народами крайнего северо-востока, или во время зимних кочевок, так как некоторые колымские чукотские оленеводы на зиму перекочевывали в лесную зону по берегам Омолона.

Колымские чукчи жили в окружении юкагирских и эвенских кочевых групп и благодаря крупнотабунному оленеводству представляли собой самую материально обеспеченную группу в регионе (см., например, [Йохельсон 1900: 165]), что способствовало росту престижа чукотского языка и привело к постепенному внедрению его как своеобразного *lingua franca* у других народов (юкагиров, эвенов, а порой и русских) Нижней Колымы; по нашим данным, чукотский чаще всего использовался и как язык общения в смешанных семьях. По этой причине и сейчас многие информанты из Нижнеколымского района Якутии, относящие себя к эвенам или юкагирам, говорят по-чукотски. Такая ситуация, впрочем, характерна не для всей Нижней Колымы, а только для тундровых районов левобережья Колымы, где чукчи традиционно выпасали своих оленей летом, и таежных районов правобережья Колымы (по реке Омолон), где находились чукотские зимние пастбища. В юго-западной части Нижнеколымского района (ныне с. Андриюшкино и прилегающие территории Олёринского наслега), куда чукчи заходили редко, языком межнационального общения был (и, по-видимому, отчасти остается) якутский.

В настоящее время в пос. Черском и с. Колымском Нижнеколымского района функционируют две оленеводческие общины (кооперативы); большинство бригад, кочующих по пастбищам общин (административно — по Халерчинскому и Походскому наслегам), смешанные, чукотско-эвенско-юкагирские.

Контакты между Черским и Колымским, а также связи с соседними поселениями Чукотского автономного округа затруднены из-за отсутствия дорог и регулярного транспортного сообщения.

³ Сейчас эта группа кочует ближе к низовьям Колымы, по так называемой Халерчинской тундре.

3. Социолингвистические сведения о колымских чукчах

Долгое проживание на сравнительно небольшой территории и, как следствие, большое количество смешанных браков привело к тому, что многие жители Нижней Колымы не всегда могут отнести себя к определенной национальности, так как среди их предков присутствуют представители и чукчей, и эвенов или юкагиров (в различных сочетаниях), поэтому применительно к народам Нижней Колымы критерий этничности довольно условен.

Приведем тем не менее некоторые данные официальной статистики. Согласно сведениям, полученным в районной администрации, в Нижнеколымском районе Якутии проживает 506 чукчей (по официальным данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Якутии в целом проживает 670 чукчей), что составляет среднее число среди национальных меньшинств района (600 эвенов и 390 юкагиров). В Колымском чукчи составляют абсолютное большинство коренных малочисленных народов (155 чукчей, 47 эвенов, 30 юкагиров). В ходе экспедиций 2014 и 2016—2017 гг. в Колымском отмечено 40 говорящих (т. е. как минимум способных породить несколько связных фраз), в целом же можно предполагать, что их общее количество составляет около 60-70 человек, причем среди них будут не только те, кто этнически относит себя к чукчам. В районном центре Черском также проживают носители чукотского языка; как правило, это выходцы из Колымского. По переписи 2010 г., во всем Нижнеколымском районе чукотским языком владеет 272 человека, однако эта оценка, скорее всего, завышена.

Ситуация языкового сдвига в Колымском может быть прослежена в динамике. На 70-е гг. XX в. П. И. Инэнликэй описывает ее следующим образом: «Старшее поколение чукчей почти не знает русского языка и общается только на чукотском языке; среднее поколение прекрасно владеет и чукотским и русским языками; младшее же, зная родной, предпочитает говорить на русском языке» [Инэнликэй 1973: 93]. Данные по тому же Колымскому на 80-е гг. представлены в [Вахтин 2001: 156]: «Начало снижения степени владения родным языком приходится у чукчей на возрастную группу 41-50-летних, то есть на годы рождения 1937—1946», — эта группа чукчей уже владеет русским, хотя и не вполне свободно. В то же время, как отмечает Н. Б. Вахтин, встречаются носители в возрасте 31-40 лет, свободно владеющие чукотским. По современным данным 2013—2017 гг. возраст носителей, свободно владеющих чукотским языком, составляет 46-50 лет и старше (1967—1971 годы рождения). Монолингвов или плохо говорящих по-русски среди колымских чукчей не осталось (в отличие от восточных районов ЧАО, где еще изредка встречаются очень пожилые монолингвы).

Чукотский язык используется в быту, хотя во многих случаях собеседники, владеющие чукотским языком, предпочитают общаться друг с другом по-русски. В современной оленеводческой среде (в стаде, во время чаепитий в зимних палатках пастухов и т. п.) чукотский язык используется редко.

Помимо русского некоторые носители чукотского владеют также эвенским, юкагирским и, реже, якутским языком. Пятиязычие, по-видимому, было нормой для поколения родителей современных носителей языка смешанного происхождения; интересные данные о степени владения этими языками в 80-х гг. XX в. жителями Колымского см. в [Вахтин 2001: 154—155]. Среди чистокровных чукчей Нижней Колымы, однако, многоязычие было распространено редко.

Преподавание чукотского ведется в школах Колымского и Черского. Преподаватели чукотского языка указывают на недостаток хороших учебных материалов. По их мнению, язык учебных пособий, изданных в ЧАО, отличается от их языкового варианта, поэтому при разработке учебных пособий по чукотскому языку в Якутии «официальная» чукотская орфография не используется. В 2017 г. впервые вышло приложение к газете «Колымская правда» на чукотском языке.

Чукотский язык признается местным официальным языком в местах проживания чукчей (гл. 1, ст. 6 «Закона о языках в Республике Саха (Якутия)»).

4. Фонетические, лексические и морфологические отличия колымского варианта чукотского языка от говоров восточной зоны

4.1. Материалы исследования

Исследование основано на материалах четырех экспедиций в Нижнеколымский район Якутии (2013—2017 гг.). Записи производились в районном центре, пос. Черском, национальном чукотском селе Колымском, а также на рыболовецких участках, рассеянных по территории района, и в оленеводческих бригадах. Информанты, владеющие чукотским языком, имели либо чукотское, либо, как правило, смешанное чукотско-эвенское, чукотско-юкагирское или чукотско-эвенско-юкагирское происхождение. Кроме того, при написании статьи учитывались материалы, записанные в Билибинском районе от уроженки с. Омолон, и материалы экспедиции к чукчам, проживающим в с. Аянка (Камчатский край).

4.2. Особенности фонетики, фонологии, морфонологии

Фонетическая система говоров восточной зоны чукотского языка достаточно хорошо описана. Отличия колымского варианта от этих говоров касаются исключительно системы консонантизма.

Таблица 1

Согласные фонемы чукотского языка (восточная зона)⁴

Место образования Способ	Лабialsные	Альвео- лярные	Пала- тальные	Велярные	Увулярные
Смычные	p	t		k	q
Носовые	m	n		ŋ	
Аппроксиманты	w	r	j	y	
Фрикативные		ç/ts			
		ɬ			

В группе говоров восточной и южной зон противопоставлены «мужской» и «женский» языки (социолекты), имеющие ряд фонологических различий; в западной зоне «женский» вариант нами не отмечен, хотя пожилые информанты утверждают, что их старшие родственницы «говорили по-женски» (при этом комментарии по поводу особенностей этого женского социолекта варьируют от информанта к информанту). Аффриката /ts/ встречается только в женском социолекте чукотского языка. Данн приписывает фонему /ç/ (в его написании /s/) исключительно мужскому социолекту. В настоящее время, однако, женский социолект стремительно выходит из употребления, а оставшиеся носительницы часто смешивают мужской и женский варианты.

Гортанный смычный в чукотском встречается только перед гласными и является, по видимому, «пограничной точкой между сегментами и супraseгментами единицами» [Асиновский 1991: 137].

Одна из характерных черт чукотской фонетической системы — гармония гласных по подъему. В системе фонем выделяются «слабые» гласные /i e u/, которым соответствуют гласные «сильного» ряда /e a o/. Любая морфема, содержащая сильные гласные, влияет на вокализм всей словоформы. В систему фонем также входит нейтральный сегмент /ə/, который может быть «лексическим» (lexical; т. е. обязательно входит в состав морфемы) или эпентетическим [Muravjova et al. 2001: 7].

⁴ Таблица приводится в адаптированном виде по [Dunn 1999: 43].

Ниже будет показано, как некоторые фонемы говоров восточной зоны реализуются в колымском варианте западной зоны.

4.2.1. Аффрикативная реализация палатального щелевого

В большинстве позиций палатальный щелевой /ç/ в колымском говоре реализуется глухой альвео-палатальной аффрикатой /tʃ/ (так называемое «чеканье»). Исключение составляют употребления в препозиции к звонкому заднеязычному /ɣ/, губно-губному сонанту /w/, переднеязычному /k/ и заднеязычному увулярному /q/, см. таблицу 2.

Таблица 2

Аффриката /tʃ/ и палатальный щелевой /ç/ в колымском чукотском

Говоры западной зоны (колымский вариант)	Говоры восточной зоны	Перевод
Обязательная реализация аффрикаты		
/qunetʃe/	/quneçe/	‘однажды’
/kaletʃenma/	/kaleçenma/	‘во время учебы’
/tʃama/	/çama/	‘тоже’
/tʃinit/	/çinit/	‘сам’
/ətʃaj/	/ətçaj/	‘тетя’
/wettʃata/	/wetçata/	‘стоя’
/ptʃekalʏən/	/pçekalʏən/	‘птица’
Отсутствие аффрикаты: /çʏ/		
/гоçʏəʔət/	/гоçʏəʔət/	‘живущие по ту сторону реки’
/наçʏерə/	/наçʏерə/	‘слева’
Отсутствие аффрикаты: /çw/		
/uuçwetək/	/uwıçwetək/	‘играть’
/wuçwitʃən/	/wuçwıçən/	‘поперечная жердь в остове яранги’
/jeləraçwəŋ/	/jeləraçwəŋ/	‘спор, ругань’
Отсутствие аффрикаты: /çq/, /çk/		
/qəçqetʃekwʔat/	/qəçkeçekwʔat/	‘застряли’
/nuteçqən/	/nuteçqən/	‘земля’
/nəkaptʃaçqen/	/nəkarpçaçqen/	‘растерянный’
/ŋaçʏəŋqaçken/	/ŋaçʏəŋqaçken/	‘левый’

Колымское сочетание /çʏ/ реализуется как /tʃ/ в некоторых словах, ср. /rotʃənkə/ ‘на том берегу’ вместо /гоçʏənkə/ или /naʔʃənkə/ ‘слева’, а также колымский вариант /qonʔatʃənkən/ восточно-чукотского /qonʔaçʏənkən/ ‘девять’.

В центральной и южной зонах подобная реализация палатального щелевого нами не отмечена, хотя у Данна в фонетическом разделе приводится комментарий о наличии в мужском социолекте аффрикаты /tʃ/ как свободного варианта мужского /ç/ или женского /ts/ [Dunn 1999: 45]. Колымские чукчанки утверждают, что их произношение «грубое», мужское, а «на востоке» (т. е. на Чукотке) разговаривают «по-женски», то есть не «чеканят». Наличие фонемы, соответствующей по звучанию «русскому ч», отмечено в «Кратком очерке грамматики луораветланского языка», предваряющем луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь Богораза, а некий «палатальный s» (вероятно, /ç/) встречается редко, «преимущественно перед q» [Богораз 1937: x-xi], что напоминает ситуацию в современном колымском (см. таблицу 2). В грамматике Скорика, однако, упоминаний об аффрикате нет. Это позволяет предполагать, что фонема ранее была распространена шире, чем сейчас.

Интересно отметить, что, несмотря на отсутствие фонемы /tʃ/ в группе восточных говоров, в чукотской графической системе графема «ч» присутствует, что вызывает крайнее недовольство чукотской интеллигенции в ЧАО, где наиболее широко распространены говоры восточной зоны. Ведутся разговоры об издании экспериментальных пособий по чукотскому языку, где «ч» будет заменена графемой «с» или «ç».

Чеканье является характерной особенностью колымского варианта, своеобразным маркером, по которому чукчи из Чукотского автономного округа могут опознать жителя низовой Колымы. Чеканье распространено и среди чукчей — уроженцев с. Омолон на западе Билибинского района, соседнего с Якутией, а также в с. Аянка Пенжинского района Камчатского края. Наличие чеканья в Омолоне может быть объяснено массовым переселением колымских оленеводов из Якутии на запад Чукотки: омолонский совхоз комплектовался в 40-х гг. XX в. из оленеводческих хозяйств колымских чукчей /эвенов /юкагиров, которые перегоняли оленей с нижней Колымы к истокам Омолона и частично оседали там. Более интересен тот факт, что чеканье было обнаружено нами и в говоре аянкинских чукчей. Опрос пожилых жителей этого поселения показал, что их предки кочевали к северо-западу от нынешнего расположения села, в верховьях Омолона и его притока Олоя. Эта группа чукчей упоминается у Богораза: он пишет, что некоторые оленеводы этой группы обладали весьма большими стадами и снабжали мясом поселки Среднеколымск и Гижига [Богораз 1934/2011: 10]. Это означает, что они могли контактировать с колымскими чукчами, которые также снабжали мясом Среднеколымск. Кроме того, Богораз пишет, что группа олойско-омолонских чукчей происходит от группы большеанюйских чукчей, кочевавших по притоку Колымы Большой Анюй [Там же] и, возможно, отчасти составивших субстрат переселившихся в XIX в. к западу от Колымы.

4.2.2. Переход /ç/ → /tʃ/ → /t/ после /l/

Переход /ç/ → /tʃ/ → /t/ после /l/ наблюдается как у колымских, так и у аянкинских чукчей.

Таблица 3

Реализация палатального щелевого /ç/ как смычного /t/

Говоры западной зоны (колымский вариант)	Говоры восточной зоны	Перевод
/wɛltiin/	/wɛlçiin/	‘все равно’
/kaltɛtʃɛn/	/kałçɛtʃɛn/	‘жук-златка’
/ŋaɫɛɫtemʲoɫʲɛn/	/ŋaɫɛɫçemʲoɫʲɛn/	‘колеблющийся’ / ‘хитрый’

Данн отмечает, что в тэлькэпском говоре чукотского, который мы считаем находящимся на периферии между восточной и южной зонами, «женская» аффриката /ts/, соответствующая мужской /ç/, в финальной позиции реализуется как /t/ [Dunn 1999: 45], однако перехода /ts/ или /ç/ в /t/ в медиальной позиции для центрального говора нами не отмечено.

4.2.3. Реализация заднеязычного щелевого /ç/ как смычного /g/

В колымском чукотском /g/ свободно варьирует с восточно-чукотским /ç/. Наиболее частотен заднеязычный смычный в инициальной позиции, в том числе в речи пожилых информантов, плохо владеющих русским языком (следовательно, его появление нельзя объяснить интерференцией). Он может появляться в позиции после почти всех согласных, но не встречается в интервокальной позиции и после альвеолярного /l/, то есть в сочетании /lç/, даже в речи сравнительно молодых информантов со средней степенью владения чукотским языком. В сочетаниях /jç/ и /tç/ встречается окказионально, обычно у информантов, редко говорящих по-чукотски.

Таблица 4

**Смычный /g/ вместо щелевого /ɣ/ в колымском варианте
(наиболее частотные употребления)**

Говоры западной зоны (колымский вариант)	Говоры восточной зоны	Перевод
/gitenin/	/ɣitenin/	‘посмотрел’
/gənan/	/ɣənan/	‘ты’
/ergatək/	/erɣatək/	‘сегодня’
/ərgin/	/əɣin/	‘их’
/məngət/	/məɣət/	‘руки’

**4.2.4. Реализация /ʔ/ как /k/ в суффиксах аориста:
языковая аттриция?**

Суффикс аориста /ʔi/ и /ɣʔi/ в речи наиболее молодых информантов реализуется как /ki/, см. таблицу 5.

Таблица 5

Суффикс аориста /ʔi/ в западном говоре

Говоры западной зоны (колымский вариант)	Говоры восточной зоны	Перевод
/lələpki/	/lələpʔi/	‘посмотрел’
/ekwetki/	/ekwetʔi/	‘пришел’
/nʔelki/	/nʔelʔi/	‘сделал’

Видимо, данное явление объясняется языковой аттрицией под влиянием русского языка и связано с трудностью произношения гортанного смычного информантами, редко говорящими по-чукотски. Такая реализация аористного суффикса не отмечена в говорах восточной и южной зон.

4.2.5. Произношение местоимения 1 л. ед. ч.

Местоимение 1 л. ед. ч., в восточном чукотском произносится как /ɣəm/, в колымском и омонском вариантах произносится как /ɣum/, /ɣuum/, /gum/ или /guum/. В говоре Аянки наблюдается вариативность: используется как колымский, так и восточно-чукотский вариант.

4.3. Особенности лексики

В работе [Инэнликэй 1973] перечислено около двух десятков слов, отсутствующих в говорах восточной зоны (он сравнивает колымский говор с восточным чаунским) или имеющих в них другое значение. В неопубликованной рукописи чукотско-русского словаря (неоконченного) того же автора имеется 19 слов «колымского диалекта». Однако в процессе сбора лексической анкеты во время полевой работы выяснилось, что информанты знают / помнят значение только 7 единиц из указанных 19, см. таблицу 6 (с. 122).

Тем не менее в ходе экспедиций были обнаружены другие слова, не встречающиеся в восточной зоне. Полная проверка на наличие специфических колымских слов в других говорах западной зоны и в говорах южной зоны не производилась.

Таблица 6

Слова из словаря П. И. Инэнликэя, опознанные / не опознанные
во время полевой работы 2013—2017 гг.

«Колымский диалект»	Перевод	Опознано в 2013—2017 гг.
kaajwək	‘тормозить (создавать преграду) полозу’	–
kaŋən	‘блюдец’	+
katənkaŋəŋ	‘сухое кустарниковое деревце’	–
kimewkə	‘не плакать’	–
kuwlittək	‘падать, скатываться с высокого места’	+
kuŋu (lənək)	‘отказываться (по причине жадности)’	+
kəŋtək	‘тройная метка на ушах оленей’	–
kəŋwəqək	‘идти широким шагом’	–
kəŋwək	‘не мочь разродиться’	–
kekenpetək	‘упираться’	+
ken’ejwən	‘концовка речи, повествования’	–
qoŋemtel’ən	‘эвенк’	+ (со значением ‘эвен’) ⁵
quŋqən	‘место, где нет корма для оленей’	+
quuŋqəl’ən	‘широкое пространство’	+
paŋyəŋyən	‘канал ствола’	–
raŋyətətək	‘сносить ветром’	–
raŋkojyətawək	‘вызывать чувство неловкости’	–
rakareŋyən	‘камень, грузило, вкладываемый в сеть-ловушку на нерпу, чтобы не всплывала’	–
riwiŋyən	‘один из четырех ремней для подвешивания сети-ловушки на нерпу’	–

Термины родства. В качестве ласкательного слова ‘мама’ в колымском чукотском используется *əmta* вместо восточно-чукотского *əmtetə*, которое в колымском варианте означает ‘грудь кормящей женщины’. Восточно-чукотское слово *rojər’ən* ‘семья’ в колымском варианте отсутствует; для обозначения круга родственников обычно используется отсутствующее в говорах восточной зоны слово *əmtčekinət* (прилагательное от *čəmtčə* ‘близко’).

Рельеф и стороны света. Интересным фактом является наличие особой, никак не этимологизируемой лексемы для такого важного для чукчей понятия, как ‘тундра’. Колымские чукчи называют тундру *elŋeq*, а использующееся в восточной зоне слово *emŋin* переосмысливается в колымском чукотском как ‘юг’. По-видимому, словом *elŋeq* обозначалась именно равнинная тундра между Алазеей и Колымой, то есть более точное значение этого слова — ‘безлесая равнина, тундра’. Восточно-чукотское *wetyəŋqən* ‘равнина’ колымскими чукчами не употребляется. Слово *ejuəŋqən* ‘север’ в колымском не используется, это значение развилось в колымском варианте у слова *aŋqə*, которое в говорах восточной зоны имеет только одно значение — ‘море’ (Восточно-Сибирское море действительно является важной точкой отсчета для ориентации в пространстве между Индигиркой и Колымой). В колымском

⁵ Путаница в переводах могла быть вызвана многозначностью термина «тунгус», употребляемого до сих пор некоторыми жителями нижней Колымы. В. Г. Богораз, как и многие колымчане, под «тунгусами» подразумевал эвенков или эвенов, смешанных с юкагирами. В других регионах Якутии это был коллективный этноним для обозначения эвенков и эвенов или, в местах компактного проживания эвенков, исключительно эвенков. Инэнликэй мог получить перевод «тунгусы» от информантов, после чего некорректно использовал более современный этноним.

отсутствует слово *majofuən*, один из восточно-чукотских вариантов обозначения невысокой горы, однако есть свое слово с похожим значением *təsqən / təsqəməq*, которого нет в говорах восточной зоны. Восточно-чукотское слово *umkuum* ‘лес, покрытое кустарником место’ (настоящих лесов в тундренной зоне распространения восточно-чукотских говоров почти нет) в западной зоне не используется. Вместо этого в колымском говоре (как и в говоре чукчей Аянки) для обозначения лесной зоны региона употребляется слово *utčəkun*, непонятное носителям восточно-чукотских говоров.

Названия рыб. В колымском варианте появилось «свое» наименование гольца: *čəlyənnən* (красная-рыба) вместо *təyənnən* (настоящая-рыба). Появились также свои слова для рыб, редких или вовсе не встречающихся восточнее Колымы: *moqən* ‘чир’ (заимствование из юкагирского), *etiʔəmki* (‘без костей’) ‘осетр’, *mičun* ‘муksун’ (заимствование из русского или якутского), *telənkə* ‘пелядь’ (возможно, из колымск. русск. ‘пелядка’). Вероятно, этот список можно будет продолжить.

Этнонимы и автоэтнонимы. Интересно наличие особого автоэтнонима *čuwčəj*, которым обозначают себя все чукчи, проживающие в западной зоне. В говорах восточной зоны и в хатырско-ваежском варианте южной зоны этот этноним не используется, вместо этого употребляется известный по этнографической литературе термин *təyʔorawetʔan*. Эвенов колымские чукчи и чукчи Аянки называют *qoremtelʔən* (‘ездящий верхом на оленях’), в то время как в говорах восточной зоны используется другой этноним *qaaramkən* (‘оленный народ’). Юкагиры на колымском варианте называются *qaaramkən* или *orwətʔən* (‘нартовый человек’), однако в отношении первого термина информанты иногда затрудняются ответить, идет ли речь об эвенах или о юкагирах. Американцев, помимо этнонима *amerikalʔət*, распространенного во всех чукотских говорах, на Колыме называли также *telutwətʔət* ‘со снятыми усами’, то есть ‘бритые’⁶.

Названия новых для чукчей предметов и явлений быта могут отличаться от названий восточных говоров: *weləwran* ‘магазин’ вместо *welətkoran* (*weləwran* используется и в говоре аянкинских чукчей), *joroŋə* ‘палатка’ вместо *manəyran* (*joroŋə* в вост.-чук. имеет только значение ‘полог’), *ejmitək* ‘брать, покупать’ используется наряду с вост.-чук. *kurək* ‘платить, покупать’, *kaltən* ‘блюдец’ вместо вост.-чук. *pətəpət* (*kaltən* в вост.-чук. имеет только значение ‘дно’), вост.-чук. *kukeŋə* ‘котел’ используется в значении ‘любая посуда для воды’ вместо вост.-чук. *čajkok* ‘чайник’ используется слово *piytəkukeŋə* (‘посуда для воды с горлышком’); в значении ‘котел’ употребляется слово *iwikuk*, производное от глагола *iwik* ‘варить’. В приколымских тундрах, в отличие от зоны распространения восточно-чукотских вариантов, иногда использовались вьючные олени, поэтому в колымском варианте в употреблении вошло слово ‘вьюк’ *ŋərkiŋ*, происхождение которого пока не выяснено.

К одной из наиболее частотных лексем, отличающихся по значению от восточно-чукотских, можно отнести слово *wəŋək* ‘шить, работать’, которое в говорах восточной зоны имеет только первое значение, тогда как в значении ‘работать’ используется слово *miyčiretək*, непонятное большинству колымских чукчей (хотя некоторые старейшины отмечают, что такое слово раньше выступало в значении ‘суетиться, бегать по хозяйственным делам’). Интересно, что в говоре чукчей Аянки (западная зона) используется третье слово для обозначения того же процесса — *wetətək*, заимствованное из корякского и непонятное носителям других чукотских говоров.

Поиск отличий колымской лексики от лексики других говоров представляет немалые трудности, поскольку она составляет сравнительно небольшой процент от общего числа лексем и «разбросана» по разным тематическим блокам. Скорее всего, верно утверждение Инэнликэя [1973: 95], что «несмотря на сравнительно длительную изоляцию (более 100 лет) колымских чукчей от других групп соплеменников и их контакты с иноязычными народностями (юкагирами, эвенами, якутами, русскими) “доколымская” лексика сохранилась более чем на 90 %».

⁶ Другой вариант произношения этого слова — *telʔutwətʔət*, что означает ‘обладающие кораблями’.

4.4. Особенности морфологии

В **сравнительной конструкции** в говорах восточной зоны стандарт сравнения маркируется локативом (1). В [Инэнликэй 1974: 203] отмечено, что в сравнительной конструкции вместо локатива в колымском варианте используется аблатив («отправительный падеж»). Наши данные полностью подтверждают наличие такой конструкции, см. (2) и (3):

- (1) восточно-чукотский
Ruŋtən arma wa-lʹə-n yənək.
 Рультын сильный быть-NMLZ-ABS ты.LOC
 ‘Рультын сильнее тебя’.
- КОЛЫМСКИЙ
- (2) *Ruŋtən arma wa-lʹə-n yənəka-jrə.*
 Рультын сильный быть-NMLZ-ABS ты-ABL
 ‘Рультын сильнее тебя’.
- (3) *Enaraty-epə murūin aʹaček jəkə-ŋ kətyəntatə-ŋŋo-yʹe.*
 сосед-ABL наш юноша.ABS быстро-ADV бегать-INCH-PFV
 ‘Наш юноша стал бегать быстрее соседа’.

Любопытно отметить, что в эвенской сравнительной конструкции также используется аблатив («отложительный падеж») [Новикова 1960: 219], такая же конструкция с аблативом употребляется и в тундренном юкагирском, ср.:

- (4) тундренный юкагирский [Maslova 2003: 50]
Met-qat me-tʹam-uol-bunʹ-i.
 1SG-ABL AFF-большой-STAT-DESD-INTR
 ‘Он хочет быть больше меня’.

В [Инэнликэй 1974] отмечено также употребление в аблативе слов, обозначающих **части тела, вызывающие недомогание**, ср:

- (5) колымский [Инэнликэй 1974: 203]
Yuum ławt-epə tə-pəytə-rkən.
 я голова-ABL 1SG-болеть-IPFV
 ‘У меня болит голова’.

В восточной зоне в аналогичных случаях употребляется посессивная конструкция (6а) или инкорпорация (6б):

- (6) восточно-чукотский
- a. *Yəmnin łewət pəytə-rkən.*
 мой голова болеть-IPFV
- b. *Yəm tə-łewtə-pəytə-rkən.*
 я 1SG-голова-болеть-IPFV
 ‘У меня болит голова’.

Однако аналогичные русские стимулы с глаголами боли наши колымские информанты переводили с помощью конструкций типа (6а) и (6б), а конструкции типа (5) признавали неграмматичными.

В колымском варианте чукотского отсутствует **наречный суффикс -meł**, широко использующийся с этнонимами: *łəyʹorawetlʹa-meł* ‘по-чукотски’ (вост.-чук). Вместо этого для выражения такого значения используется слово ‘язык’ в инструментальном падеже (этноним *čiwčey* инкорпорирован):

- (7) КОЛЫМСКИЙ
Čiwčej-jət-e mən-wetɣawə-rkən.
 Чукча-язык-INS 1PL.IMP-говорить-IPFV
 ‘По-чукотски поговорим’.

Интересно, что в хатырском варианте (южная зона) суффикс *-meł* также отсутствует, вместо него используется конструктив — словообразовательный циркумфикс со значением «изготавливать что-либо»: *ta-ləyʔorawetʔa-ŋ-a* (CONST-чукча-CONST-CVB) ‘по-чукотски’, ср. *ta-ra-ŋ-a* (CONST-дом-CONST-CVB) ‘строя дом’.

5. Некоторые выводы

Диалектный континуум чукотского языка можно разделить на три географических зоны: западную, восточную и южную. Колымский вариант чукотского языка вместе с говором с. Аянка относится к группе говоров западной зоны. Отличия колымского варианта от вариантов других зон минимальны: это несколько фонетических особенностей (самая яркая из которых — чеканье), лексика, связанная с рельефом, названия предметов быта, ихтиологическая лексика, несколько терминов родства, небольшие морфологические особенности. Из последних интересно использование аблатива в сравнительной конструкции, которое можно считать ареальным явлением, так как аблатив используется в сравнительной конструкции и в соседних эвенском и юкагирском языках. Несмотря на длительную изоляцию от говоров восточной и южной зон, колымский вариант чукотского не претерпел существенных изменений и в целом понятен для носителей говоров восточной зоны.

Вполне вероятно, что список отличий колымского варианта от говоров восточной зоны будет увеличен по мере расшифровки собранных текстов и записи нового материала. Возможно, это будут отличия в употреблении некоторых падежей или же отличия в области дискурса (например, отличное от говоров восточной зоны употребление перфектных форм). Однако даже если такие особенности языкового варианта колымских чукчей и будут обнаружены, они все равно, скорее всего, будут незначительными для взаимопонимания с жителями восточной зоны.

Важно отметить, что пока мы практически не можем предсказать, в какой именно области (помимо фонетики и лексического состава) следует искать разницу между такими вариантами. К сожалению, работ по диалектологии «малых» языков народов РФ, развивающихся в одинаковых условиях под влиянием более престижного русского языка, практически нет. Очевидно, что эти различия скоро исчезнут, поскольку в ситуации языкового сдвига, когда количество носителей неуклонно сокращается, периферийные языковые варианты с относительно небольшим количеством говорящих будут утрачиваться прежде всего. При этом для самих носителей, видимо, более ценной является документация и сохранение не более стандартизованного варианта, а более локального (см., например, [Tulloch 2006]).

Данное исследование имеет и практическое применение. Создание специальных письменных норм для «колымского диалекта» чукотского языка не представляется обоснованным. Однако пособия по чукотскому языку, выходящие в Якутске, могут и должны быть оснащены специальными комментариями по поводу употребления аффрикаты /tʃ/; кроме того, в них может быть использована специальная лексика, свойственная только колымскому варианту, с указаниями на лексические соответствия в восточно-чукотском.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
 AVL — аблатив
 ABS — абсолютив
 ADV — наречие

AFF — аффирматив
 CONST — конструктив
 CVB — деепричастие
 DAT — датив

DESD — дезидератив

IMP — императив

INCH — инхоатив

INS — инструменталис

INTR — интранзитив

IPFV — имперфектив

LOC — локатив

NMLZ — номинализатор

PFV — перфектив

PL — множественное число

SG — единственное число

STAT — статив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Асиновский 1991 — Асиновский А. С. Консонантизм чукотского языка (на основе экспериментально-фонетических данных). Л.: Наука, 1991. [Asinovskii A. S. *Konsonantizm chukotskogo yazyka (na osnove eksperimental'no-foneticheskikh dannykh)* [Chukchi consonants (based on experimental phonetic data)]. Leningrad: Nauka, 1991.]
- Богораз 1931 — Богораз В. Г. Луораветланский (чукотский) язык // Алькор Я. П., Крейнович Е. А. (ред.). Языки и письменность народов Севера, ч. 3. Труды Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР по лингвистике. М.; Л.: Госучпедгиз, 1931. С. 5—46. [Bogoras V. G. Luoravetlan (Chukchi) // *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa, ch. 3. Trudy Nauchno-issledovatel'skoi assotsiatsii Instituta narodov Severa TsIK SSSR po lingvistike*. Al'kor Ya. P., Kreinovich E. A. (eds.). Moscow; Leningrad: Gosuchpedgiz, 1931. Pp. 5—46.]
- Богораз 1934/2011 — Богораз В. Г. Чукчи: социальная организация. М.: Либроком, 2011. (Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934). [Bogoras V. G. *Chukchi: sotsial'naya organizatsiya* [The Chukchi: Social organization]. Moscow: Librokom, 2011. (Leningrad: Institute of the Peoples of the North, Central Executive Committee of the USSR Publ., 1934.)]
- Богораз 1937 — Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. [Bogoras V. G. *Luoravetlansko-russkii (chukotsko-russkii) slovar'* [Luoravetlan-Russian (Chukchi-Russian) dictionary]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1937.]
- Вахтин 2001 — Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. [Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v XX veke: ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the XX century: Essays on language shift]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001.]
- Вдовин 1962 — Вдовин И. С. Ваегские чукчи // Сибирский этнографический сборник. Труды ИЭАН СССР. 1962. Т. 78. Вып. IV. С. 153—164. [Vdovin I. S. Vayegi Chukchi. *Sibirskii etnograficheskii sbornik. Trudy Instituta Etnografii AN SSSR*. 1962. Vol. 78. No. IV. Pp. 153—164.]
- Инэнликэй 1973 — Инэнликэй П. И. Некоторые лексические особенности колымского диалекта чукотского языка // Беккер Э. Г., Деннинг Р. Ф. (ред.). Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной конференции 14—16 июня 1973 г. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. С. 93—95. [Inenlikei P. I. On some lexical features of the Kolyma dialect of Chukchi. *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov: Materialy Vsesoyuznoi konferentsii 14—16 iyunya 1973 g.* Bekker E. G., Denning R. F. (eds.). Tomsk: Tomsk Univ. Publ., 1973. Pp. 93—95.]
- Инэнликэй 1974 — Инэнликэй П. И. О значениях отгравительного падежа по диалектам чукотского языка // Скорик П. Я. (ред.). Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.: Наука, 1974. С. 201—204. [Inenlikei P. I. The meanings of the elative case in Chukchi dialects. *Sklonenie v paleo-aziatskikh i samodiiskikh yazykakh*. Skorik P. Ya. (ed.). Leningrad: Nauka, 1974. Pp. 201—204.]
- Иохельсон 1900 — Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. 1900. Вып. 1—2. С. 151—193. [Iokhel'son V. I. Vagrant tundra clans between the Indigirka and Kolyma rivers, their ethnic composition, language, everyday life, marriage, other customs, and the interaction of various tribal elements. *Zhivaya starina*. 1900. Vol. 1—2. Pp. 151—193.]
- Карих 2008 — Карих Е. В. Анойская ярмарка во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 101—104. [Karikh E. V. The Anyui fair in the second half of the XIX — early XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. No. 317. Pp. 101—104.]
- Майдель 1894 — Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894. [Maidel' G. *Puteshestvie po severo-vostochnoi chasti Yakutskoi oblasti v 1868—1870 g.* [Travelling through the north-eastern part of the Yakut region in 1868—1870]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1894.]

- Нефёдкин 2017 — Нефёдкин А. К. Военная культура чукчей (середина XVII — середина XX в.). СПб.: Лема, 2017. [Nefedkin A. K. *Voennaya kul'tura chukchei (seredina XVII — seredina XX v.)* [Chukchi military culture (middle of XVII century — middle of XX century)]. St. Petersburg: Lema, 2017.]
- Новикова 1960 — Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. [Novikova K. A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Ol'skii govor* [Essays on the dialects of Even: Olsky dialect]. Part 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960.]
- Пупынина 2013 — Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. IX. Ч. 3: Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки. С. 245—260. [The Chukchi language: Geography, dialects, and native speakers' ideas about the division of the linguistic community. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticskikh issledovaniy RAN. T. IX. Ch. 3: Sbornik statei k 60-letiyu Evgeniya Vasil'evicha Golovko*. Pp. 245—260.]
- Скорик 1961 — Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Часть первая. Фонетика и морфология именных частей речи. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. [Skorik P. Ya. *Grammatika chukotskogo yazyka. Chast' pervaya. Fonetika i morfologiya imennykh chastei rechi* [Chukchi grammar. Part 1: Phonetics and morphology of nominal parts of speech]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961.]
- Dunn 1999 — Dunn M. *A grammar of Chukchi*. Unpublished PhD diss. Canberra: Australian National Univ., 1999.
- Maslova 2003 — Tundra Yukaghir. (Languages of the World/Materials, 372.) München: LINCOM EUROPA, 2003.
- Muravjova et al. 2001 — Muravjova I. A., Daniel M. A., Zhdanova T. Ju. Chukchi language and folklore in texts collected by V. G Bogoras. Ms. M., 2001.
- Tulloch 2006 — Tulloch S. Preserving dialects of an endangered language. *Current Issues in Language Planning*. 2006. Vol. 7. No. 2—3. Pp. 269—286.

Получено / received 25.07.2017

Принято / accepted 14.11.2017